

ОТ РЕДАКТОРА

Этот номер журнала продолжает начатую несколько лет назад тему — сто лет с начала Первой мировой войны. Ей посвящены материалы круглого стола в первом томе и четыре статьи во втором. Эту тему журнал планирует продолжить. Существует предварительная договоренность с Institut für Übersetzen und Dolmetschen Гейдельбергского университета, который проводит серию чтений, посвященных Первой мировой войне, что материалы этих чтений будут предоставлены журналу «Идеи и идеалы» для публикации.

В России, несомненно, память об «империалистической и несправедливой» войне была жестко вытеснена историей революции и теми событиями, которые связаны со строительством первого в мире социалистического государства. А это строительство стоило много больше жизней, чем Россия потеряла в Первой мировой. Больше того, герои этой войны боялись даже говорить о ней. Я на всю жизнь запомнил, как один дед на Алтае тайком показывал мне два своих Георгиевских креста... В лучшем случае вспоминался А.А. Брусилов. О полном кавалере Георгиевского креста легендарном Б.М. Думенко вообще не говорили. Получилось, что были «герои Гражданской войны», а и «героев Первой мировой войны» не было (и это, несмотря на то что Россия потеряла в Гражданской войне около 200 тыс., а в Первой мировой — в девять раз больше солдат). Да и для других стран история Первой мировой оказалась в глубокой тени своего продолжения — Второй мировой. Поэтому вполне оправданным кажется мнение, что можно говорить об одной войне, начавшейся в 1914 и закончившейся лишь в 1945. Ведь мир 1918 года не только не закончил войну (боевые действия в отдельных регионах шли до 1923 года), но и предопределил неизбежность продолжения, которое и последовало в 1939 году.

Это первая война, где широко применялись самолеты и танки. Стоит вспомнить предвоенный кошмар Александра Блока: «Иль отравил твой мозг несчастный /Грядущих войн ужасный вид:/ Ночной летун, во мгле ненастной /Земле несущий динамит». Это первая война, где враги перестали видеть глаза друг друга. У Ремарка в «Трех товарищах» есть эпизод, когда Кестер говорит своему другу: «Робби, — медленно заговорил он, — не помню, скольких я убил. Но помню, как я сбил молодого английского летчика. У него заело патрон, задержка в подаче, и он ничего не мог сделать. Я был со своим пулеметом в нескольких метрах от него и ясно видел испуганное детское лицо с глазами, полными страха; потом выяснилось, что это был его первый боевой вылет и ему едва исполнилось восемнадцать лет. И в это испуганное, беспомощное и красивое лицо ребенка я всадил почти в упор пулеметную очередь. Его череп лопнул, как куриное яйцо. Я не знал этого паренька, и он мне ничего плохого не сделал. Я долго не мог успокоиться, гораздо дольше, чем в других случаях. С трудом заглушил совесть, сказав себе: “Война есть война!”»

Война стала надчеловеческой.

В этой войне впервые применили газы и огнеметы.

Во время этой войны женщине стали к станкам и начали делать снаряды.

Первая мировая кардинально изменила карту Европы, решив судьбу четырех империй. Именно после нее возникают два тоталитарных режима, во многом определивших историю XX века.

Но, наверное, самое страшное — это то, что после этой войны заговорили о «массах», а не о людях. Действительно, если погибло 11 миллионов солдат и 7 миллионов гражданских, если миллионы калек оказались практически выброшены из нормальной жизни, то нельзя же перечислять их по именам...

...

Остальное содержание номера, как обычно, довольно разнообразно и соответствует общегуманитарному характеру журнала.